
15320
Sm 15320

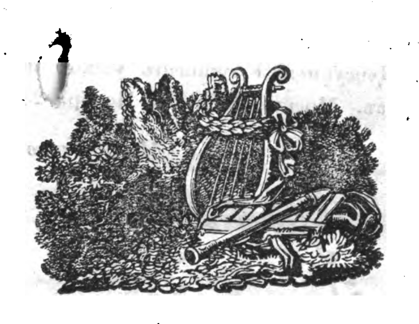



3186272023

АРФА.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПОЛЕЖАЕВА.



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. КИРИЛОВА.

1838.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва 1835 года Ноября 25 дня.

Ценсоръ М. Каченовскій.



СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПОЛЕЖАЕВА.

КОРІОЛАНЪ.

ГЛАВА I.

ИЗГНАННИКЪ.

Кто видѣлъ, надъ брегомъ туманнаго моря,
Вѣкамъ современный, огромный утесъ, —
Который, съ волнами кипучими споря,
На брань вызываетъ ихъ бурный хаосъ?
Стоитъ недвижимый, надъ черной могилой,
Но воютъ и плещутъ буграми валы —

Свирѣпое море, съ невѣдомой силой,
Обмыло гранитныя ребра скалы;
Обрушилось, пало, горячей геенной,
Тяжелой громадой, на вражье чело —
Сорвало, разбило — и, лавой надмѣнной,
Въ пучину сѣдую, какъ вихрь унесло!...
Тѣ волны, то море — народная сила; —
Скала — побѣжденный народомъ Герой,
На полѣ отваги судьба довершила
Насильства и славы торжественный бой!

II.

Смотрите — бунтуютъ безумныя страсти,
Неистово блещетъ крамольный перунъ —
Священный останокъ утраченной власти,
Громитъ безотвѣтно могучій трибунъ.
Мятежъ своевольный и ярые клики
Возникли въ отчизнѣ великихъ мужей —
Патрицій и воинъ, и рабъ полудикій

Враждуютъ на стогнахъ отцевъ и дѣтей.
И шумъ и смятенье въ приливѣ народа.
»Сенатъ и законы!« — »Мечи и свобода!«
Взываютъ и вторятъ, въ суровыхъ толпахъ.
»Но слава, побѣды, заслуги и раны?«
— Изнанье злодѣю! »Погибнутъ тираны—
Мы вмѣстѣ сражались и гибли въ бояхъ!..«
И глухо мечи застучали въ ножнахъ. —
»Давно ли онъ принялъ, отъ гордаго Рима,
Зеленый вѣнокъ, украшенье вождей?
— »Изгнанье, изгнанье! Видна Діадима
Въ зеленомъ вѣнкѣ, изъ дубовыхъ вѣтвей!...« 1)

И долго торжественный голосъ укора,
Мѣшаясь съ проклятьемъ, въ народѣ гремѣлъ —
И жребій изгнанія — жребій позора
Достался безстрашному мужу въ удѣлъ...

III.

Доволенъ и грозенъ, неправедной силой,
Народъ удалился отъ мѣста суда,
И городъ веселый, и городъ унылой
Покрылся завѣсою тьмы и стыда. —

Но кто, окруженный толпою ревнивой,
Подъ вѣрной защитой булатныхъ мечей —
Покоенъ и важенъ, какъ Царь молчаливый,
Идетъ передъ сонмомъ враговъ и друзей?
Волнистыя, длинныя перья шелома
Клубятся и вьются, надъ блѣднымъ челомъ,
Гдѣ грозныя тучи, предвѣстницы грома,
Какъ будто таятся во гробѣ нѣмомъ —
И око, обвитое черною бровью,
Сверкаетъ и пышетъ, какъ день на зарѣ —
И станъ величавый, и, жаркою кровью
Не рѣдко увлаженный, мечъ при бедрѣ —

Блестящій, въ изгибахъ суровой одежды,
Онъ гордо проходитъ предъ буйной толпой,
И, мнится, и злобу, и месть, и надежды
Великаго Рима — уноситъ съ собой.

IV.

Ужъ поздно... Тарпея, какъ тѣнь великана,
Сокрыла сѣдую главу въ облакахъ —
И тихо слетаетъ на землю Діана,
Въ серебряной мантіи, въ яркихъ звѣздахъ.

Часы золотые! отрадное время!
Вамъ жертву приноситъ поклонникъ суетъ,
Лишь съ сумракомъ ночи забудетъ онъ бремя
Душевной печали и тягостныхъ бѣдъ.
Въ глуби Эмпирея, на небѣ эмальномъ
Звѣзда молодая блеститъ для него —

И сонъ благотворный, на ложѣ страдаль-
номъ,
Согрѣетъ облитое хладомъ чело! —
И послѣ на муку, знакомаго ада,
На радость и горе — на жизнь и тоску,
Навѣетъ волшебная ночи прохлада,
Быть можетъ на вѣкъ, гробовую доску! —

V.

Одѣлась туманною мглою столица —
Мятежныя площади спятъ въ тишинѣ —
Вдали промелькаетъ порой колесница,
Иль всадникъ суровый на быстромъ конѣ.
Ночныя бесѣды, — румяныя дѣвы
Замѣтны, порою, въ роскошныхъ садахъ,
И слышны лобзанья и смѣхъ, и напѣвы,
И рядомъ —темницы и вопли въ цѣпяхъ!..
И рѣдко на улицахъ робкія встрѣчи
И голосъ укора, и ропотъ любви —

Плащи и кинжалы, смертельныя сѣчи,
Мольба и проклятья, и трупы въ крови, —
И снова молчанье. Какъ будто изъ Рима
Возникло песчаное море степей —
Безоблачно небо, луна недвижима,
Въ пространствѣ глубокомъ воздушныхъ
зыбей.

VI.

У храма, подъ тѣнью душистой оливы,
Внезапно нарушенъ священный покой —
То робкія жены — ихъ взоръ боязливый
Наполненъ слезами и дышетъ тоской.
Одна — молодая, въ печали глубокой,
Какъ ландышъ весенній, бѣла и нѣжна, —
Другая — лѣтами и грустью жестокой —
Могилѣ холодной давно суждена.
Предъ ними, закрытый волнистою тогой,
Въ пернатомъ шеломѣ, въ бронѣ боевой —

Невѣдомый воинъ унылый и строгой
Стоитъ, безъ отвѣта, съ поникшей главой.
И тяжкая мука, и плачъ, и рыданье,
Подъ сводами храма, въ отсвѣченной мглѣ,
И видны у воина гнѣвъ и страданье,
И тайная дума и месть на челѣ —
И вдругъ, изнуренный душевнымъ волненьемъ,
Какъ будто возпрянувъ отъ долгаго сна, —
Какъ будто испуганъ ужаснымъ видѣньемъ,
»Прости же — сказалъ онъ — родная страна!
»Простите сыны знаменитой державы,
»Которой побѣды и силу и честь
»Мрачитъ и пятнаетъ, на поприщѣ, славы,
»Народа слѣпаго безумная месть! —
»Я правъ и свободенъ! Я, гордой отчизнѣ,
»Принесъ дорогую, священную дань:
»Младыя надежды заманчивой жизни
»И сердце Героя, и крѣпкую длань!...
»Не я ли, могучій и дѣломъ и духомъ,

»Рѣшалъ многократно сомнительный бой?
»Не я ли наполнилъ Италію слухомъ
»Объ Геніѣ Рима, враждуя съ судьбой?
»И гдѣ же награда?... Народъ благодарный,
»Въ минутномъ возторгѣ, вождя увѣнчалъ—
»И вновь, увлеченный толпою коварной,
»Его же свирѣпо судилъ и изгналъ! —
»Простите жъ сыны знаменитой Державы,
»Которой побѣды и силу и честь
»Мрачитъ и пятнаетъ, на поприщѣ славы,
Народа слѣпаго безумная месть!« —

VIII.

Протяжно гремѣли суровые звуки
И глухо исчезли въ ночной тишинѣ; —
Но голосъ прощанья, минуты разлуки
Опять пробудились, какъ пепелъ въ огнѣ —
»Свершилось! свершилось — о мать и су-
пруга!

»Мнѣ дорого время — мнѣ дорогъ позоръ!
»Примите въ объятія сына и друга —
»Его изгоняетъ на вѣкъ приговоръ!
»Гдѣ дѣти изгнанника? Дайте скорѣе
»Разстаться съ чертами роднаго лица —
»О пусть лобызаютъ младенцы нѣжнѣе
»Устами невинными очи отца! —
»Пусть юныя души дыханье обиды
»Въ груди благородной на вѣкъ затаятъ,
»И нѣкогда, гордо, кинжалъ Немезиды
»Забвенному праху отца посвятятъ!..«

И вопль и рыданья... горячихъ объятій
Не слышитъ, нечувствуетъ гордый Герой—
Свободенъ — и скрылся отъ гражданъ и братій,
Какъ левъ, уязвленный пернатой стрѣлой.



ГЛАВА II.

ВРАГЪ.

Пробудился Геній славы,
Изъ объятій тишины,
Потекли на пиръ кровавый
Брани гордые сыны.

Гдѣ жь вы?... Яростные клики
Раздались, какъ гулъ морей —
Не возсталъ ли Римъ великій
На народовъ и Царей?

Не во гнѣвѣ ль, онъ суровый
Изрекаетъ приговоръ —
И даруетъ имъ оковы
И блистательный позоръ?

Нѣтъ! Рѣшитель дивныхъ боевъ
Странъ далекихъ не громитъ —
Надъ отечествомъ Героевъ
Туча грозная виситъ.

Пали, пали легіоны,
Приносившіе законы
На булатныхъ лезвеяхъ! —
И безстрашно окружила
Разрушительная сила,
Самый Римъ, въ его стѣнахъ!

III.

Раздавался гулъ громовой —
Полунощная гроза,
Блескомъ молніи багровой,
Озаряла небеса.
Надъ туманною рѣкою
Древній Анціумъ дремалъ 1)
И, угрюмой тишиною,
Мирныхъ жителей къ покою
Благосклонно призывалъ.
Племя славнаго народа
Крѣпкій городъ охранялъ —
Тамъ — отважная свобода,
На границахъ рубежей,
Берегла отъ утѣсненій
Кровожадныхъ поколѣній
Цвѣтъ воинственныхъ мужей.
Тамъ она, на полѣ чести,
Въ самой гибели жива —

*

Разливала ужасъ мести
За старинныя права,
Часто сильныя дружины
Приходили на равнины
Плодоносной стороны;
Но — тогда, миролюбивый
Обожатель тишины,
Покидалъ златыя нивы
И отцевъ завѣтный плугъ —
И стремился горделиво
На призывный трубный звукъ.
Непреклонный, безпощадный
Онъ пришельца поражалъ —
И въ тѣни лѣсовъ отрадной
Грозный подвигъ воспѣвалъ!

III.

Тщетно Римъ неодолимой,
Вызывалъ на лютый бой

Сына родины любимой,
Охраненнаго судьбой. —
Лицъ одинъ герой могучій
Прошумѣлъ, какъ вихрь летучій,
На убійственныхъ поляхъ,
Онъ покрылъ костями долы
И упали Коріолы
Передъ воиномъ во прахъ.
Но — народъ самодержавной,
Осудилъ его, безславно
На изгнанье и позоръ —
И, безъ тайной укоризны,
Произнесъ красѣ отчизны
Ненавистный приговоръ....
Благородный побѣдитель,
Удивленье чуждыхъ странъ —
Обвиненъ какъ притѣснитель
Легкомысленныхъ гражданъ.
И теперь, въ суровой долѣ,
Грустной думой удрученъ —

Можетъ быть, на бранномъ полѣ
Ищетъ смерти, жаждетъ онъ
Позабыть несправедливой
И блуждающій ревниво
По слѣдамъ его законъ.

IV.

Городъ Волсковъ осѣнила,
Какъ холодная могила,
Въ шумѣ бури тишина —
И подъ кровлею надежной,
Мирный житель, безмятежно,
Предавался нѣгѣ сна.
Въ это время, кто-то, строенъ,
Безоруженъ; но покоенъ,
Гость невѣдомый вступалъ
Въ градъ и пышные чертоги,
Гдѣ глава народа, строгій
Старецъ Аттій обиталъ.

Въ мрачной думѣ, вождь верховный,
Послѣ тягостнаго дня —
Одинокъ, сидѣлъ безмолвно
У отраднаго огня.
Все вокругъ его дышало
Незабвенной стариной —
И невольно вспоминало
Славу жизни молодой:
Шлемы, панцыри и латы,
И тяжелые булаты,
Иззубренные въ бояхъ —
Передъ нимъ, въ отцовской сѣни
Отсвѣчались на стѣнахъ,
И порой, какъ будто тѣни
Трепетали на гробахъ.

V.

Другъ народовъ беззащитныхъ
И сосѣдственныхъ владыкъ,

Онъ на битвахъ кровопролитныхъ
Былъ отваженъ и великъ;
Самъ Орелъ Капитолійскій
Рогъ гордыни Италійской,
Для могущихъ роковой,
Не возмогъ стереть кичливо
Надъ его браннолюбивой,
Серебристой головой.

Только разъ онъ, въ вихрѣ боя,
Палъ разбитый и отъ ранъ;
Но тогда его — героя,
Побѣдилъ Коріоланъ.
Его имя было казнью
Въ непокорныхъ племенахъ!
И съ невольною боязнью
Повторялось на устахъ.

VI.

Старый вождь сидѣлъ угрюмо,
Передъ тлѣющимъ огнемъ
И леталъ печальной думой
Въ невозвратномъ и быломъ.
Вдругъ, въ мечтаніи глубокомъ,
Изумленъ и недвижимъ
Видитъ онъ, въ плащѣ широкомъ,
Чуждый воинъ передъ нимъ.
Скрыты взоръ его и лѣта,
Онъ безмолвенъ и суровъ,
И садится безъ привѣта,
Подъ защитою боговъ. 3)
Понялъ Аттій горделивый
Гостя чуднаго, безъ словъ —
То языкъ краснорѣчивый
Запоздалыхъ пришлецовъ.

АТТІЙ.

Не порою ли ненастной,
Незнакомецъ, ты гонимъ? —
Здѣсь, подъ кровлей безопасной
Будешь здравъ и невредимъ.
Отъ измѣны, отъ булата
Сохранитъ тебя судьба —
И на путь тебѣ я злата
Приготовлю и раба —
Но, скажи мнѣ, кто ты, странникъ?
Изъ какихъ далекихъ странъ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Я изъ Рима — я изгнанникъ!
Я — твой врагъ — Коріоланъ!...

VII.

Онъ встаетъ.... Какая встрѣча!
Если бъ яростная сѣча

Ихъ неистово свела; —
Если бъ лаврами обвитыхъ,
Двухъ героевъ знаменитыхъ
На погибель обрекла —
О, тогда и громъ и бури
Засверкали бъ на лазури
Ихъ убійственныхъ мечей,
И сразились бы стихіи,
А не воины лихіе,
Предъ мильонами очей.
Но теперь — одинъ, великій,
Безъ покрова и друзей —
У могущаго Владыки
Необузданныхъ мужей,
Ищетъ, съ гордостью свободной,
Или жизни благородной,
Или смерти какъ злодѣй.

КОРІОЛАНЪ.

Аттій! рокъ меня коварный
Справедливо погубилъ —

Слишкомъ Римъ неблагодарный,
Слишкомъ много я любилъ. . . .
Онъ изгналъ меня! . . . Я снова
У стариннаго врага,
Для услугъ его готова
Безпощадная рука —
Для вражды непримиримой
Голова моя и кровь! —
Ахъ, безъ родины любимой,
Въ сердцѣ месть, а не любовь! —



ГЛАВА III.

ГРАЖДАНКА.

Свѣтило дня, роскошно и свѣтло,
По небесамъ безоблачнымъ текло
И озаряло Римъ унылый —
Когда, въ виду его гражданъ,
Военачальникъ чуждой силы,
Какъ бранный духъ, предсталъ Коріоланъ:

Уже не славу, не оковы —
Не щитъ, а гибельный булатъ,
Принесъ въ десницѣ онъ суровой,
Для казни Ромуловыхъ чадъ.

Смотри, тиранъ народовъ вѣроломный,
Любимецъ счастья и боговъ —
На этотъ Сонмъ могущій и огромный
Твоихъ завистливыхъ враговъ.
Дерзнешь ли ты, какъ прежде, горделивый,
Разсѣять ихъ несмѣтныя толпы?
Падутъ ли въ прахъ, съ потупленною выей,
Передъ тобой мятежные рабы?
Увы! однѣ высокія твердыни,
Однѣ бойницы — твой покровъ,
И превратилъ огонь въ печальныя пустыни
Богатство селъ твоихъ, и нивъ, и городовъ!
Къ тебѣ, какъ геній разрушенья,
Притекъ неистовый герой
Обмыть въ крови, на полѣ мщенья,
Позоръ обиды роковой! —

III.

Кто видѣлъ бурные потоки,
Когда съ вершинъ утесовъ и холмовъ,
Они бѣгутъ и роютъ путь широкій,
 Среди степей, среди лѣсовъ,
И рушатъ все стремительною лавой —
 Такъ и отважные сыны —
 Свободы дикой и войны —
 Текли на подвигъ величавой.
 И смерть и кровь по ихъ слѣдамъ;
И Исполинъ, доселѣ знаменитый,
 Спѣшитъ въ отчаяньи къ стѣнамъ.
 И вопли женъ осиротѣлыхъ,
 И укоризны матерей —
 И ропотъ старцевъ, посѣдѣлыхъ
 На полѣ славы прежнихъ дней,
 Встрѣчаютъ съ грустью безнадежной
 Останки робкихъ бѣглецовъ —

И стыдъ неволи неизбѣжной,
И звукъ торжественныхъ оковъ —
Надъ ними носится незримо, но мятежно,
Какъ молнія во мракѣ облаковъ.

Не рѣдко, погруженъ въ мучительныя думы,
Когда во тьмѣ ночей дремалъ покойный станъ,
На городъ мрачный и угрюмый,
Съ невольною тоской, взиралъ Коріоланъ. —
Въ какомъ печальномъ униженьи,
Стоялъ, какъ признакъ, передъ нимъ —
Тотъ самый, гордый, сильный Римъ —
Краса могучихъ поколѣній,
Который страшенъ и великъ
Былъ нѣкогда грозой народовъ и Владыкъ;
Тотъ Римъ — отечество героевъ,
Который онъ, на полѣ боевъ,

Прославилъ гибельнымъ мечемъ —
И наконецъ каралъ, безъ сожалѣнья,
Какъ жертву праведнаго мщенья,
Въ безумствѣ жалкомъ и слѣпомъ. —

III.

Какъ гражданинъ страны несчастной
Объ ней онъ въ тайнѣ тосковалъ, —
Онъ часто къ родинѣ прекрасной
Мечтой высокой улеталъ;
Но приговоръ несправедливой,
Но голосъ чести и стыда,
Въ его душѣ самолюбивой
Таились яростно всегда —
И онъ презрѣлъ — неумолимый,
Права, законы, самый рокъ —
И славной градъ, враждѣ непремиримой
И разрушенію обрекъ.
Увы! ни Римская свобода,

Ни представители народа, 1)
Ни жрецъ верховный, ни Сенатъ,
Въ зловѣщій день, не охранятъ
Тебя надежною эгидой
Отъ непреклоннаго врага.
Кто движимъ местью и обидой,
Кого свирѣпая тоска
Казнитъ и мучитъ самовластно,
Кто утонулъ въ пучинѣ зла —
Тому раскаянье ужасно,
Тому отрада не мила; —
Тотъ увлеченъ ожесточеньемъ
Безумной воли и страстей —
Какъ недругъ неба и людей!
Таковъ Коріоланъ..... —
Кому онъ произнесъ печальныя слова:
»Я гражданинъ изгнанный и безславный —
»Огонь и мечъ мои единыя права!
»Я ихъ внесу рукой окровавленной,
»Въ чертогъ неправѣдныхъ судей —

»И не спасетъ гордыни униженной
»Ни стонъ, ни вопль, ни святость алтарей!«

IV.

Гдѣ раздались протяжно и сурово,
Глухіе звуки этихъ словъ?
Подъ сводомъ неба, средь шатровъ,
Гдѣ все шумитъ — гдѣ все готово
Возстать — и, тучей громовой,
Летѣть за славою на бой!...

Совершилось! Благодатный
Лучь надежды измѣнилъ,
Ополчись на подвигъ ратный,
Геній Рима — геній силъ!
Гдѣ вы праотцы и дѣды,
Погибающихъ сыновъ?
О, покиньте, для побѣды,

Сѣни мрачныя гробовъ!
Пронеситесь надъ главами
Устрашенныхъ беглѣцовъ,
И разсѣются предъ вами
Сонмы лютые враговъ. —

Но нѣтъ, блистаютъ копья, брони
Стучатъ желѣзные щиты —
Покрыли воины и кони
Луга, долины, высоты;
Тревога, грохотъ, гулъ и крики,
Земля и стонетъ и дрожитъ —
И горе, горе, Римъ великій!
Твой часъ, послѣдній часъ пробитъ!....

V.

Кто этотъ мужъ иноплеменной,
Всегда и всюду впереди?

За нимъ, волною разъяренной,
Текутъ народы и вожди,
Его десницы мановенье,
Единый взоръ его очей
Приводятъ въ трепетъ и волненье
Толпы воинственныхъ мужей....
Уже онъ близокъ — изъ колчана
Выходятъ стрѣлы... мигъ одинъ....
И, можетъ быть, къ стопамъ Коріолана,
Падетъ покорный гражданинъ!....

VI.

Но что за дивное явленье,
Откуда страхъ между бойцовъ?
Кто могъ остановить внезапно ополченье,
Передъ лицомъ блѣднѣющихъ враговъ?
Вся рать безмолвна, недвижима —
На встрѣчу ей, торжественно, изъ Рима
Идетъ не грозный легіонъ,

Предвѣстникъ битвы кровопитной,
Но сонмъ унылый, беззащитной
Младыхъ гражданокъ — славныхъ женъ...
Съ другимъ оружіемъ — съ слезами,
И разпущенными власами
На обнаженныхъ раменахъ, —
Съ словами мира на устахъ,
Съ мольбой, ничѣмъ неотразимой —
Онѣ идутъ тебя сразить
И пламень мести потушить
Въ твоей груди, герой не побѣдимой!...

VII.

Кого, съ разтерзанной душой,
Съ челомъ суровымъ и холоднымъ,
Кого ты зришь передъ собой?
Кто гласомъ грустнымъ, но свободнымъ
Къ тебѣ воззвалъ: »Коріоланъ!«
»Тебя ль я заключу въ горячія объятья?

»Кто ты? Отечества тиранъ, —
»Призвавшій на главу небесныя проклятья,
»Или его послушный сынъ?
»Кто ты? Изгнанный гражданинъ, —
»Или надмѣнный повѣлитель?
»Когда и мечъ и смерть, и плѣнъ,
»Ты вносишь въ нѣдра этихъ стѣнъ —
»За чѣмъ же медлить, побѣдитель,
»Своихъ дѣтей, жену и мать
»Цѣпями рабства оковать?
»Карай меня всей тягостію мщенья!
»Я Римъ повергла въ море зла,
»Я недостойна сожалѣнья —
»Я жизнь преступнику дала!...»

VIII.

И вопль гражданокъ знаменитыхъ —
И милыя слова: отецъ, супругъ —

Печальный видъ, простертыхъ къ небу
рукъ,
Разтерзанныхъ одеждъ и устъ полуоткры-
тыхъ —
Все, душу мрачнаго вождя,
Въ то время, сильно волновало —
И чувство мести побѣдя,
Не вольно, къ жалости склоняло.
Казалось, слова одного
Искалъ онъ въ памяти — пощада....
И въ тишинѣ взирали на него
И чуждыя толпы, и Римляне изъ града.
И долго былъ онъ въ думу погруженъ,
И наконецъ, какъ будто пробудила
Его отъ сна невѣдомая сила —
»О мать моя! — возкликнулъ онъ,
»О мать моя! — ты побѣдила:
»Твой сынъ погибъ — но Римъ спасенъ!..«

На мѣстѣ томъ, гдѣ самовластье
Любви гражданской и красы
Спасло отчизну отъ грозы,
Воздвигли храмъ богинѣ счастья. 2)

Но тамъ — гдѣ палъ неистовый герой
И добродѣтельный изгнанникъ —
Не видѣлъ памятника странникъ
И не вздыхалъ надъ урной гробовой? . . .



ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА.

О грустно мнѣ — вся жизнь моя — гроза,
Наскучилъ я обителью земною!
За чѣмъ же вы говорите предо мною,
Какъ райскіе лучи, предъ Сатаною, —
Вы — черные, волшебные глаза? —

Увы! давно, печаленъ, равнодушенъ
Я привыкалъ къ лихой моей судьбѣ —
Безжалостный, неистовый къ себѣ,
Презрѣлъ ее, въ отчаянной борьбѣ,
И гордо былъ несчастію послушенъ!

Старинный рабъ мучительныхъ страстей
Я испыталъ ихъ бремя роковое —
И буйный духъ, и сердце огневое —
Я все убилъ въ обманчивомъ покоѣ,
Какъ лютый врагъ покоя и людей! —

Въ моей тоскѣ, въ неволѣ безотрадной,
Я не страдалъ, какъ робкая жена;
Меня несла противная волна,
Несла на смерть — и гибель не страшна
Казалась мнѣ, въ пучинѣ безпощадной. —

И мракъ небесъ, и громъ, и черный валъ,
Любилъ встрѣчать я, съ думою суровой —
И свисту бурь, подъ молніей багровой,
Внимать, какъ мужъ, отважный и готовый
Испить до дна губительный фіалъ....

И погрузясь въ преступныя сомнѣнья
Объ цѣли бытія....
Я трепеталъ, чтобъ истина меня,
Какъ яркій лучь, внезапно осѣня,
Не извлекала изъ тьмы ожесточенья.

Мнѣ страшенъ былъ великій переходъ,
Отъ дерзкихъ думъ, до свѣта Провидѣнья;
Я избѣгалъ невиннаго творенья
Которое бъ могло, безъ сожалѣнья,
Моей душѣ дать выспренній полетъ —

И вдругъ оно, какъ ангелъ благодатной...
О, нѣтъ! какъ духъ карающій и злой —
Свѣтлѣе дня, явилось предо мной,
Съ улыбкой розъ, пылающихъ весной,
На муравѣ долины ароматной. —

Явилось . . . . все исчезло для меня —
Я позабылъ въ мучительной невзгодѣ,
Мою любовь и ненависть къ природѣ,
Безумной пылъ къ утраченной свободѣ
И все — чѣмъ жилъ, дышалъ доселѣ я....

Въ ея очахъ, алмазныхъ и привѣтныхъ,
Увидѣлъ я, съ невольнымъ торжествомъ,
Земной эдемъ! . . . Какъ будто существомъ
Другихъ міровъ — какъ будто божествомъ
Исполненъ былъ въ видѣніяхъ завѣтныхъ.

И дѣва — рай, и дѣва — красота
Лила мнѣ въ грудь, невыразимымъ взоромъ,
Невинную любовь, съ таинственнымъ укоромъ,
И пѣла въ ней душа, умильнымъ хоромъ:
»Лобзай меня и въ очи и въ уста!«

»Лобзай меня, пѣвецъ осиротѣлый,
Какъ мотылекъ лилею по утру! —
Люби меня, какъ милую сестру,
И снова я и къ небу, и къ добру
Направлю твой разсудокъ омертвѣлый.«

И этотъ звукъ разгаданныхъ рѣчей,
И эта пѣснь души ея прекрасной,
Въ восторгѣ чувствъ и нѣги сладострастной,
Гремѣли въ ней—волшебницѣ опасной—
И врѣзались въ огонь ея очей!...

Напрасно я, мой генiй горделивый,
Мой злобный рокъ на помощь призывалъ.
Со мною онъ, какъ другъ изнемогалъ; —
Какъ слабый врагъ, предъ мощнымъ трепеталъ —
И я въ цѣпяхъ, предъ дѣвою стыдливой!

Въ цѣпяхъ!... Творецъ! безсильное дитя
Играетъ мной, по волѣ безотчетной —
Казнитъ меня, съ улыбкой беззаботной —
И я, какъ рабъ, влачусь за нимъ охотно,
Всю жизнь мою страданью посвятя!...

Но кто она, прелестное созданье?
Кому любви безпечной и живой —
Приноситъ даръ, быть можетъ роковой?
Увы? гдѣ тотъ, кто дѣвы молодой
Вопьетъ въ себя невинное дыханье?...

Гроза и громъ! ужѣль мои уста
Произнесутъ убійственное слово?
Ужели все въ подсолнечной готово
Лишить меня прекраснаго земнаго?...
Такъ, я лишенъ, лишенъ и на всегда!...

Кто видѣлъ тернъ колючій и безплодной,
И рядомъ съ нимъ роскошный виноградъ?
Когда жь и гдѣ равно ихъ оцѣнятъ —
И на одной грядѣ соединятъ?...
Цвѣтетъ ли миртъ въ Лапландіи холодной?..

Вотъ жребій мой! Благія небеса!
Быть можетъ, я достоинъ наказанья;
Но — я съ душой — могу ли, безъ роп-
танья,
Сносить мои жестокія страданья?
Забуду ль васъ — о черные глаза!

Забуду ль тѣ безцѣнныя мгновенья,
Когда съ тобой, какъ другъ, наединѣ,
Какъ нѣжный другъ, при солнцѣ и лунѣ
Я заводилъ бесѣды въ тишинѣ,
И изнывалъ въ тоскѣ, безъ утѣшенья!

*



Когда между развалинъ и гробовъ
Блуждали мы, съ унылыми мечтами,
И вѣчный сонъ, надъ мирными крестами,
И смерть и жизнь летали передъ нами,
И я искалъ покоя мертвецовъ. —

Тогда одной рассѣянною думой
Питали мы знакомыя сердца.
О, какъ близка могила отъ вѣнца?
О, что любовь — не прахъ ли мертвеца?..
И я склонялъ къ могиламъ взоръ угрюмой.

И ты блѣдна, съ потупленной главой
Слѣдила ходъ мой, быстрый и неровной;
Ты шла за мной, подъ тѣнію дубровной,
Была со мной.... и я — нашъ міръ духовной
Не промѣнялъ на счастливый земной!...

И сколько разъ, надъ нѣжной Элоизой,
Я находилъ прекрасную, въ слезахъ —
Иль, затая дыханье на устахъ,
Во тьмѣ ночей, стерегъ ее въ волнахъ, —
Гдѣ, иногда, подъ сумрачною ризой,

Бѣла какъ снѣгъ — волшебныя красы,
Она струямъ зеркальнымъ предавала,
И между тѣмъ, стыдливо обнажала
И грудь и станъ — и вѣтромъ развѣвало
И флеръ ея, и черные власы....

Смертельный ядъ любви неотразимой
Меня терзалъ и медленно губилъ —
Мнѣ снова міръ, какъ прежде, опостылъ
Быть можетъ.... нѣтъ! — мой часъ уже
пробилъ,
Ужасный часъ, ничѣмъ невозвратимой!

Зачѣмъ гнѣвить безумно небеса?
Ея ужь нѣтъ! — она цвѣтетъ и нынѣ....
Но гдѣ?... для чьей цвѣтетъ она гордыни?
Чей Ѳиміамъ курится для богини?...
Скажите мнѣ — о черные глаза! —



БОЖІЙ СУДЪ.

Есть духи зла — неистовыя чада
Благословеннаго творца. —
Удѣлъ ихъ — грусть отчаянье — отрада;
А жизнь — мученье, безъ конца, —

Въ великій часъ рожденія Вселенной,
Когда извлекъ Всевышній перстъ,
Изъ тьмы вѣковъ, Эфиръ одушевленнсй
Для хора солнцевъ, лунъ и звѣздъ —

Когда Творецъ торжественное слово,
Въ премудрой благости изрекъ:
»Да будетъ прахъ величія основой!«
И всталъ изъ праха человѣкъ. —

Тогда, предъ нимъ свѣтлы, необозримы
Расзтлались гордо небеса —
И юный міръ, какъ сынъ его любимый,
Былъ весь — волшебная краса.

И ярче звѣздъ и солнца золотаго,
Какъ Іорданскія струи,
Вокругъ его — Властителя Святаго,
Вились Архангеловъ рои.

И пышный сонмъ небесныхъ легіоновъ
Былъ ясенъ, святъ передъ Творцомъ,
И на скрижаль Божественныхъ законовъ
Взиралъ съ потупленнымъ челомъ —

Но чистый огнь невинности покорной
Въ сынахъ безсмертія потухъ —
И грозно палъ, съ гордынею упорной,
Высокій умъ, высокій духъ.

Свершился судъ! . . . Могущая десница
Подъяла молніи и громъ —
И пожрала подземная темница
Богоотверженный содомъ! —

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданья
Таятся горестно во мглѣ —
И мучитъ ихъ, и зжетъ, безъ страдаенья
Печать проклятья на челѣ.

Напрасно ждутъ преступные свободы —
Они противны небесамъ —
Не долетитъ въ объятія природы
Ихъ недостойный Ѳиміамъ!

НЕГОДОВАНІЕ.

Гдѣ ты, время невозвратное,
Благосклонной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное,
Золотой моей весны?
Какъ видѣнiе прекрасное,
Въ блескѣ радужныхъ лучей —
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось отъ очей!
Ты не свѣтишь мнѣ по прежнему,
Не горишь въ моей груди —

Преданъ року неизбѣжному
Я на жизненномъ пути.
Тучи мрачныя, громовыя
Надъ главой моей шумятъ;
Предвѣщанія суровыя
Духъ унылый тяготятъ.
Ахъ, какъ много драгоцѣннаго
Я въ сей жизни погубилъ!
Какъ я идола презрѣннаго —
Жалкій міръ боготворилъ!
Такъ, съ любовію ревнивою,
Изступленнаго жреца,
Движимъ силою кичливою
Добровольнаго бойца —
Я служилъ ему торжественно,
Безъ раскаянья страдалъ, —
И разсудокъ — лучь божественный
На безумство промѣнялъ!
Какъ преступникъ, лишь окованный
Правосудною рукой —

Грозенъ умъ, разочарованный
Свѣтомъ истины нагой. —
Грустно видѣть бездну черную,
Послѣ неба и цвѣтовъ; —
Но грустнѣе жизнь позорную
Проводить между гробовъ!
Люди, люди развращенные!....
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Вамъ не скоро сталь холодная
Уготовитъ адскій пиръ —
Ваша внутренность голодная
Проситъ въ жертву цѣлый міръ!...



НА БОЛѢЗНЬ ЮНОЙ ДѢВЫ.

Ты ли, ангелъ ненаглядной —
Ты ли, дѣва — алый цвѣтъ,
Изнываешь безотрадно,
Въ полномъ блескѣ юныхъ лѣтъ? —
На тебя ль недугъ туманный,
Въ пышномъ праздникѣ весны —
Налетѣлъ, какъ врагъ нежданный,
Изъ далекой стороны?
Скученъ, грустенъ взоръ печальный,

Голубыхъ твоихъ очей —
Онъ, какъ факелъ погребальный,
Блещетъ, въ сумракѣ ночей.
Развился пушистый волосъ,
На увядшихъ раменахъ;
Нѣтъ улыбки томный голосъ,
Слабо ропщетъ на устахъ.
И для чувства наслажденья,
И для нѣги, и любви —
Ты мертва, огонь мученья
Пробѣжалъ въ твоей крови!...
И когда жь бальзамъ природы —
Утѣшитель бытія,
Воскреситъ и для свободы,
И для счастія тебя?

Вѣрь мнѣ дѣва, съ раннимъ утромъ,
Въ тѣ часы, когда росой,
Будто свѣтлымъ перламутромъ,

Будто яркою слезой,
Окристалятся поляны
И весенніе цвѣты,
И денницы лучь багряный
Блещетъ мирно съ высоты —
И тогда, какъ ночью сонной
Осѣненъ безмолвный міръ —
И прохладно, благовонно
Вѣетъ сладостный зефиръ,
Я дремотою отрадной
Не сомкну моихъ очей —
И встрѣчаю, съ грустою хладной,
Свѣтъ зари и тьму ночей!...
Что мнѣ солнце, что мнѣ звѣзды!
Что мнѣ ясная лазурь!
Я въ груди, какъ въ лонѣ бездны,
Затаилъ весь ужасъ бурь....
Дѣва — солнце, дѣва радость! —
Ты явилась мнѣ, въ тиши —
И влетѣла жизни сладость

Въ глубину моей души!
Я знакомыя страданья
На мгновенье позабылъ —
И любви и упованья
Чашу полную испилъ.
Я мечталъ .... но, духъ упорный —
Мой гонитель на землѣ,
Лучь надежды благотворной
Потопилъ въ глубокой мглѣ
Гдѣ ты? что ты, образъ милый?
Я ищу тебя, но ты —
Только призракъ лишь унылый
Изнуренной красоты! —



K z E..... H...... T......ü.

Таланты ваши оцѣнить
Никто не въ силахъ, безъ сомнѣнья!
Того ни съ чѣмъ нельзя сравнить,
Что выше всякаго сравненья!...
Вы рождены плѣнять сердца
Умомъ, душой и красотою,
И чувствъ высокихъ полнотою
Примѣрной матери и рѣдкаго отца.

*

О, тотъ постигнулъ верхъ блаженства,
Кто вышней цѣли идеалъ, —
Кто всѣ земныя совершенства
Въ одномъ созданьѣ увидалъ!
Кому же? Мнѣ — рабу несчастья,
Приснился дивный этотъ сонъ —
И съ тайной силой самовластья,
Упалъ, налегъ на душу онъ.
Нѣтъ, не волшебное явленье
Страдальцу, въ дальной сторонѣ,
То не минутное видѣнье
Меня ласкаетъ въ тишинѣ. —
Не гармоническая лира
Звучитъ и стонетъ надо мной,
И изъ вещественнаго міра
Зоветъ, зоветъ меня съ собой,
Къ моей отчизнѣ неземной!
Нѣтъ — это вы! Не очарованъ
Я бредомъ пылкой головы —
Цѣпями грусти не окованъ

Мой духъ свободный . . . это вы! . . .
Чья кисть, на зло природѣ горделивой,
Враждуетъ съ ней, на лоскѣ полотна,
И воскрешаетъ прихотливо,
Какъ мощный духъ, вѣка и времена?
Кто кромѣ васъ, творящими перстами,
Единымъ очеркомъ холоднаго свинца —
Даетъ огонь и жизнь, съ минувшими страстями,
Чертамъ бездушнымъ мертвеца? —

Такъ это вы! Я передъ вами!
Вы мой рисуете портретъ —
И я мирюсь съ жестокими врагами,
Мирюсь съ самимъ собой! — Я вижу новый свѣтъ?

Простите смѣлости безумной
Пѣвца, гонимаго судьбой,

Который, послѣ бури шумной,
Въ эмали неба голубой —

Слѣдитъ звѣзду надежды благосклонной,
И счастливый, въ тѣни привѣтливой са-
довъ —
Пьетъ жадно воздухъ благовонной
Ароматическихъ цвѣтовъ. —



БАЮ, БАЮШКИ, БАЮ.

Въ темной горницѣ постель;
Надъ постелью колыбель;
Въ колыбели, съ полуночи,
Бьеться, плачетъ, что есть мочи,
Безпокойное дитя. —
Вотъ, лампаду засвѣтя,
Чернобровка молодая,
Суетится, припадая

Бѣлой грудью къ крикуну —
И лелѣетъ, и ко сну
Избалованнаго клонитъ,
И поетъ и тихо стонетъ,
На чувствительный разпѣвъ
Девяносто - лѣтнихъ дѣвъ. —

Усыпительная пѣсня.

»Да усни же ты, усни,
»Мой хорошій молодецъ!
»Угомонъ тебя возьми,
»О постылый сорванецъ!
»Баю, баюшки, баю! —

»Ужь и естьли гдѣ такой
»Сизокрылый голубокъ,
»Ненаглядный, дорогой,
»Какъ мой миленькій сынокъ? —
»Баю, баюшки, баю!...«

»Во зеленомъ во саду,
»Красно вишенье ростетъ;
»По широкому пруду,
»Бѣлый селезень плыветъ!
»Баю, баюшки, баю! —

»Словно вишенье румянъ,
»Словно селезень онъ бѣлъ —
»Да усни же ты, буянъ!
»Не кричи же ты, пострѣлъ! —
»Баю, баюшки, баю!«

»Я на золотѣ кормить
»Буду сына моего, —
»Я достану, такъ и быть,
»Царь — дѣвицу для него!
»Баю, баюки, баю! —

»Будетъ важный человѣкъ, —
»Будетъ сынъ мой Генералъ!
»Ну, заснулъ,... хоть бы на вѣкъ!
»Побери его провалъ!
»Баю, баюшки, баю!...«

Свѣтъ потухъ надъ Генераломъ,
Чернобровка покрываломъ
Обвернула колыбель —
И ложится на постель......
Въ темной горницѣ молчанье,
Только тихое лобзанье
И неясныя слова
Были слышны, раза два.
Послѣ, тѣнью боязливой,
Кто-то, чудилося мнѣ,
Осторожно и счастливо,
При мерцающей лунѣ,
Пробирался по стѣнѣ. —

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Была пора! За милый взглядъ —
Очаровательно — притворной,
Платить я жизнію былъ радъ
Красѣ обманчиво — упорной!
Была пора — и ночь, и день
Я бредилъ хитрою улыбкой —
И трудно было мнѣ, и лѣнь,

Разстаться съ жалкою ошибкой.
Теперь, пора веселыхъ сновъ
Прошла, разсорилась съ поэтомъ —
И я, за пару нѣжныхъ словъ,
Себя безумно не готовъ,
Отправить въ вѣчность пистолетомъ.
Теперь, хранитъ меня судьба —
Плѣняюсь женщиной, какъ прежде; —
Но — разувѣрился въ надеждѣ
Увидѣть розу, безъ шипа. —



АВТОРЪ И ЧИТАТЕЛЬ.

А.

Позвольте вамъ поднесть

Тетрадь моихъ стиховъ....

Ч.

Извольте.

А.

Прикажете прочесть

Съ полдюжины листовъ?

*

Ч.

Увольте!

А.

Статейки хороши —
Вотъ эти на примѣръ! . . . —

Ч.

Прекрасны.

А.

А сколько въ нихъ души!
А рифмы, а размѣръ!

Ч.

Ужасны! —

А.

Хочу, чтобы меня
. . . . . хвалилъ

Ч.

Отрадно.

А.

Почтеннѣйшему я,
Двѣ книги подарилъ.

Ч.

Ну, ладно. —

А.

Я вижу отъ стиховъ
Вы любите зѣвать?

Ч.

Безмѣрно.

А.

Плодомъ моихъ трудовъ
Не льзя пренебрегать.

Ч.

О, вѣрно....

А.

Желаю васъ спросить —
Вы шутите иль нѣтъ?

Ч.

Не много.

А.

Прошу не позабыть,
Что колкій я поэтъ!

Ч.

Какъ строго!

А.

Сатиру въ цѣлый томъ —
И сотню Эпиграмъ....

Ч.

О Боже!

А.

Во гнѣвѣ роковомъ,
Готовлю я врагамъ....

Ч.

И что же?

А.

Узнаете же вы,
Что значу я между....

Ч.

Глупцами?....

А.

Восплещетъ полъ - Москвы
Правдивому суду....

Ч.

Надъ вами! —



САРАФАНЧИКЪ.

Мнѣ наскучило, дѣвицѣ,
Одинешенькой въ свѣтлицѣ,
Шить узоры серебромъ!
И безъ матушки родимой,
Сарафанчикъ мой любимой
Я надѣла вечеркомъ —
Сарафанчикъ,
Разтеганчикъ!



Въ разноцвѣтномъ хороводѣ
Я играла, на свободѣ,
И смѣялась, какъ дитя!
И въ свѣтлицу — до разсвѣта
Воротилась — только, гдѣ - то,
Разорвала я шутя
Сарафанчикъ,
Разстеганчикъ! —

Долго мать меня журила —
И до сватьбы запретила
Выходить за ворота; —
Но — за сладкія мгновенья,
Я тебя, безъ сожалѣнья,
Оставляю на всегда,
Сарафанчикъ,
Разстеганчикъ! —



ГРУСТЬ.

На пиру у жизни шумной,
Въ царствѣ юной красоты,
Рвалъ я, съ жадностью безумной,
Благовонные цвѣты.
Много чувства, много жизни,
Я роскошно потерялъ —
И душевной укоризны
Можетъ быть, не избѣжалъ. —

Отъ чего жъ, не съ сожалѣньемъ,
Отъ чего скажите мнѣ —
Но, съ невольнымъ восхищеньемъ
Вспомнилъ я о старинѣ? —
Отъ чего же локонъ черный,
Этотъ локонъ смоляной —
День и ночь, какъ духъ упорный,
Все мелькаетъ предо мной?
Отъ чего, какъ въ полдень ясный,
Голубыя небеса —
Мнѣ таинственно прекрасны
Эти черные глаза? —
Почему же голосъ сладкой,
Этотъ голосъ неземной —
Льется въ душу мнѣ украдкой
Гармонической волной?
Что тревожитъ духъ унылой,
Манитъ къ счастію меня?
Ахъ! не вспыхнетъ надъ могилой
Искра прежняго огня!

Отлетѣли заблужденій
Невозратные рои —
И я мертвъ для наслажденій
И угасъ я для любви!
Сердце ищетъ — сердце проситъ
Послѣ бури уголка; —
Но, мольбы его разноситъ
Безотрадная тоска! —



КАРТИНА.

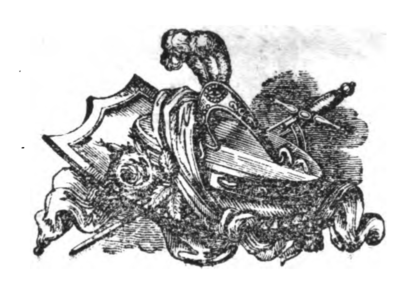
О толстый мужъ, и поздно ты и рано,
Съ чахоточной женой, сидишь за фортопь-
яно,
И царствуетъ тогда и смѣхъ, и тишина —
О толстый мужъ, — о тонкая жена!
Приходитъ мнѣ на мысль извѣстная кар-
тина —
Танцующій медвѣдь, съ наряженой козой —
О, если бъ, кто нибудь, увидѣлъ господина

Котораго теперь я вижу предъ собой;
Тотъ вѣрно бы сказалъ: премудрая при-
рода,
Ты часто велика; — но часто и смѣшна! —
Простите мнѣ, — но вы — два страшные
урода
О толстый мужъ! о тонкая жена! —



ГЛУПОЙ КРАСАВИЦѢ.

Какъ бюстъ Венеры, ты прекрасна; —
Но, безъ души и безъ огня, —
Какъ хладный мраморъ, для меня
Ты, къ сожалѣнью, не опасна.
Ты рождена, чтобы служить
Въ лукавой свитѣ купидона, —
Но, прежде должно оживить
Тебя рѣзцомъ Пигмаліона.



АТЕИСТУ.

Не оглушайте вы меня,
Ни вашимъ карканьемъ, ни свистомъ,
Противъ начала бытія!
Смотря внимательно на васъ
Я не могу быть Атеистомъ —
Вы безъ души, ума и глазъ!



НАПРАСНОЕ ПОДОЗРѢНІЕ.

»Нѣтъ, это, другъ, не сновидѣнье!
Я вижу у тебя есть женскій туалетъ!
Женатъ ты?« — Нѣтъ? —
»Не можетъ быть! — Какое подозрѣнье!
Ты знаешь самъ — я женщинъ не терплю! —
Откуда жъ у тебя явились папильотки?« —
О милой мой! повѣрь, не отъ красотки:
Не рѣдко завивать собачку я люблю! —

КОНЕЦЪ.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ КОРІОЛАНУ.

НА 1ю ГЛАВУ.

1) Народные трибуны, обвиняя Коріолана во многихъ преступленіяхъ противъ Отечества, уличали его также въ домогательствѣ верховной власти.

НА 2ю ГЛАВУ.

1) Анціумъ — городъ Волсковъ, въ которомъ Коріоланъ, послѣ изгнанія его изъ дома, нашелъ сильное покровительство. —

2) Да простятъ мнѣ изъ уваженія къ памяти Коріолана — поэтическую вольность, съ которою приписалъ я много рѣдкихъ достоинствъ, едва извѣстному по Исторіи, Аттію Туллу — Коріоланъ достоинъ былъ имѣть знаменитаго соперника на поприщѣ славы.

3) Историческое.

НА 3ю ГЛАВУ.

1) Здѣсь говорится о безуспѣшномъ посольствѣ къ Коріолану Римскаго Сената и жрецовъ.

2) Историческое. —



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

